

ПИЛИГРИМЫ НИКУДА

Jack Kerouac. The Dharma Bums. New York, The Viking Press, 1958.

Существует предание, согласно которому «одержимые», фанатики воинствующей буддистской секты Цзэн швыряли в грязь детей, смущавших их «наивными» вопросами, на которые они бессильны были ответить. Молодой поэт Рей Смит, от имени которого ведется повествование в новом романе Джека Керуака «Бродяги Дхармы», встречает ревностного последователя «одержимых» Джефи Райдера, насаждающего нравы этой секты среди «битниковской»* богемы Сан-Франциско. Такое начало романа не столько заинтриговывает, сколько озадачивает. Зачем модному современному писателю эта странная фигура и бесконечные рассуждения о буддизме? К чему весь этот экзотический маскарад героев романа, поддельвающих под древних подвижников буддизма, которые искали истины и освобождения в мысли, что жизнь — иллюзия, и углубления в самосозерцание (чему в совокупности и соответствует на санскрите слово «дхарма»)?

Но оказывается, Керуак усматривает в миссии Джефи глубочайший смысл, полагая, что его проповедь цзэн-буддизма может положить начало некоей новой философии, духовно освобождающей и очищающей молодого современного американца.

И вот бродяжничество, безделье, социальное отщепенство Рея возводятся в высокий принцип, получают, согласно Керуаку, новый, «революционный» смысл. Безразличие к обществу и пассивный нигилизм этого заблудшего сына почтенных мелких буржуа

оцениваются писателем как внутренняя свобода и высшая простота человека, познающего истину. Не оставлен при этом и вопрос о «свободной любви»: Джефи насаждает культ эротических ритуальных радений со «священными наложницами», заимствованный в тибетских храмах.

Д. Керуак — наряду с Алленом Джинсбергом и Лоуренсом Липтоном — одна из ведущих фигур в литературе «поколения разбитых». Его называют «если не пророком, то летописцем» этого поколения. И хотя американская критика часто упрекает его в крикливости, несерьезности, грубости, она возлагает на него большие надежды.

В литературе «разбитых» Керуак занимает несколько обособленное место. Он менее озлоблен, чем другие, и, хотя и наделяет, например, своих персонажей в «Подземных людях» внешним сходством с Христом, Моисеем, святыми, отнюдь не склонен к идеализации «битника». Самый нигилизм Керуака отличался до сих пор бездумностью и умиротворенностью («Я знаю, что все мы — призраки, — заявил он недавно в одном интервью. — И, несмотря на это, все хорошо... мы чувствуем себя в раю»). Предыдущие романы Керуака «Подземные люди» и нашумевший «На дороге» довольно ярко, а местами и с подлинной правдивостью рисовали жизнь «поколения разбитых». Но, наряду с оригинальностью автора, в них обращали на себя внимание крайняя поспешность, сумбурность, отсутствие какой-либо четкой концепции. Керуак, казалось, принципиально не желал подниматься над уровнем своих изломанных и безалаберных героев (предел мечтаний героев «На дороге», например, — «быстрая машина, морской берег, чтобы было куда стремиться, и женщина в конце дороги»).

В «Бродягах Дхармы» Керуак, на первый взгляд, делает гораздо более серьез-

ную заявку: он не только ставит вопрос о путях достижения духовной свободы в современной Америке, но и в известной мере претендует на его философское осмысление.

Джефи Райдер — во многом новый для Керуака герой.

Способный ученый-ориенталист, знаток буддизма, китайской и японской поэзии. Джефи резко выделяется на фоне «битниковской» богемы. Он по-настоящему умен, и окружающие легко поддаются под его обаяние. Рей Смит и его друзья видят в Джефи «нового героя американской культуры», слышат в его речах отзвук голосов «героев и трибунов Америки стародавних времен». Во многом он для них загадка, так как в равной степени способен кончить и отшельником в пещере, и кинозвездой в Голливуде. Учения древневосточных философов легко уживаются в его рассуждениях с анархизмом Бакунина и Кропоткина, безумства, которые изумляют даже видавшую виды «битниковскую» богему, — с самым трезвым и цепким практицизмом, а диническое презрение ко всяким условностям — с робостью перед ними. Таков этот новый Заратустра из Орегона, пророк «революции», которую сделают «тысячи, а то и миллионы» молодых американцев, приобщившись к

* «Beatnik» от «beat generation» — поколение разбитых.

братству «бродяг Дхармы». Джефи, по авторскому замыслу, должен олицетворять здоровое народное начало, не источенное буржуазным обществом. Черты сверхчеловека из бульварного романа смешиваются в этом герое со святостью, а самый изощренный снобизм и эстетство — с грубыми подделками под простонародность.

Обращение Керуака к буддизму — всего лишь попытка возрождения в более современной интерпретации проповеди «непротивления злу насилием». Большое значение придается самосовершенствованию, которое, однако, должно протекать, по мысли писателя, на особом ладе. Общество стало настолько бездушным, отношения в нем настолько отупляющими и закабаляющими человека духовно, что борьба вообще потеряла всякий смысл, — таков ход рассуждений Керуака. А отсюда вывод: остается только один путь спасения — разобщение людей, которое может будто бы исцелить и обновить каждого в отдельности.

В подходе к разработке темы одиночества и духовной разобщенности людей Керуак в «Бродягах Дхармы» сильно отличается от многих современных буржуазных писателей, выступающих с позиций гуманизма и критики капиталисти-

ческой действительности. Даже те из них, кто настроен наиболее пессимистически, видят в этом разобщении источник трагедий современного человека и стремятся, хотя бы путем утверждения принципов абстрактного гуманизма и «вечных» человеческих ценностей, указать возможности его преодоления. Керуак же выступает с проповедью «спасительного» одичания современного американца, что и придает книге реакционный смысл.

Несмотря на крайний дилетантизм «философии» Керуака и юродство его проповеди «дхармы», в них тем не менее прорываются и нотки подлинной тревоги за судьбу «разбитых», и явный испуг перед некоторыми настроениями среди них. Протест «битников», при всей его крикливости, довольно беспредметен. Постоянное раздражение против «довольных», ставшее как бы боевым флагом движения, у многих неотделимо от чувства обреченности и страха перед будущим. Именно страх, что «битники», не идя никуда, зашли слишком далеко, доводит в «Бродягах Дхармы» до самоубийства приятельницу Рея, молодую, жизнерадостную девушку Розу Бакейнен. Подобно Рею Смиту, который убежден, что успеет он «просветить» Розу, она была бы спасена, Ке-

руак, по-видимому, верит, что сможет поддержать упавших духом и вместе с тем вернуть на стезю «ортодоксального битничества» тех «разбитых», кто в своем протесте против современной Америки может дойти до попыток разобраться в острых вопросах современности.

Майкл Голд отмечал, что, при всей пестроте состава, «битников» можно разделить на три группы. Помимо увлекшихся модой на «битничество» и эстетствующих снобов, он особо выделил третью категорию. Таких немного. Это — «искренние и по-настоящему страдающие молодые люди... Они сбились с пути, но снова выйдут на него, на главную магистраль всего человечества — к правде, к большой жизни, к социальности и реализму».

...Близится разлука героев. Рей и Джефи поднимаются в горы по тропинке, где некогда бродил Джек Лондон. Но философствующие странники Керуака решительно не похожи на мужественных джеклондоновских бродяг. Тема бродяжничества благодаря Уитмену и Лондону в прошлом звучала в американской литературе как могучая тема свободы и «большой дороги» человека. Керуак пытается в своем новом романе озвучить ее судорожными синкопами гимна «бродяг Дхармы», пилигримов никуда.

В. Неделин

ДНИ ПРОБУЖДЕНИЯ

Таха Хусейн. Дни. Москва, Издательство восточной литературы, 1958.

«Однако удивительная память у детей! — замечает автор повести «Дни». — Пожалуй, вернее сказать, удивительная па-

мять у человека, когда он пытается пересмотреть события детства. Некоторые из этих событий представляются ему ясно и отчетливо, как будто бы после них совсем не прошло время; другие же стираются так, что он будто никогда и не был знаком с ними».

Как удивительно мастерство этого писателя, невольно подумает читатель, познакомившись с автобиогра-

фической повестью Таха Хусейна. Перед читателем развертываются сцены жизни провинциального городка на берегу Нила, показанные через мировосприятие ребенка.

Конец девятнадцатого века. Еще прочны патриархальные устои в многодетной семье среднего достатка, где родился герой повести. Еще сильны стародавние традиции в городке.